

УДК 930.1

DOI 10.25688/2078-9238.2019.29.1.05

К.А. Шпека

Исторический факт и историческое знание

Рассмотрены особенности исторического факта. На основе анализа разграничены понятия исторического события и исторического факта. Дана типология мировоззренческих установок, применяемых при изучении исторического прошлого. Определена роль концептуально философско-научного каркаса при объяснении исторических событий и интерпретации исторического факта.

Ключевые слова: исторический факт; практика; бытие; сознание; индивидуальное.

Рассуждая о структуре исторического факта, необходимо определиться с тем, что вообще понимается под этим словом в современной науке, ведь факт как основа научного познания имеет краеугольное значение. Эта задача важна еще и потому, что в последнее время с трансформациями в российском обществе (которые не всегда соответствуют культурно-историческим условиям его существования) наблюдается своеобразная путаница в определении содержания фундаментальных гносеологических и тем более эпистемологических понятий. Ситуация усугубляется внедрением в научный оборот новой терминологии, непривычной для многих отечественных исследователей прежде всего из области гуманитарных наук. Пожалуй, в полной мере ощутили на себе динамику этих нововведений представители отечественной исторической науки. Парадигма интерпретации исторических фактов поменялась очень резко (прежде всего в оценочной плоскости), так что многие из представителей данной науки до сих пор повергнуты в смятение при трактовке тех или иных исторических событий. Очень часто события прошлого подвергались критике на страницах исторической литературы именно с позиций моральных оценок. Тем самым производилась подмена научного содержания интерпретации исторических фактов идеологическими субститутами, а вместо онтологической целесообразности как мировоззренческой установки исследователя исторических событий постепенно внедрялись идеи телеологичности, что чревато догматизацией исторического познания, а следовательно, предвзятостью в трактовке прошлого. Поэтому история как наука постепенно девальвировалась не только в глазах научного сообщества, но и в общественном сознании в целом, постепенно превращаясь в конгломерат теорий идеологического свойства, которые, так или иначе, ставят перед собой одну основную цель — критиковать все недавнее прошлое в отечественной истории как несоответствующее идеалам гуманизма вообще,

т. е. как антигуманное. При этом происходит противопоставление общественных отношений царской России и советского периода на основе шкалы оценивания: хорошо/плохо, и почему-то акценты расставляются на «хорошем» в пользу дореволюционного периода. В связи с этим новоиспеченным разоблачителям от исторической науки нелишне прочесть хотя бы «Преступление и наказание» Ф.М. Достоевского, чтобы задуматься над тем: все ли так прекрасно было в царской России? К тому же стоит повторить расхожее утверждение, ставшее почти крылатым, о том, что история не знает сослагательного наклонения, тем самым вскрывая объективную подоплеку исторического процесса. Действительно, историю делают люди, будь то отдельная личность или коллективный субъект (класс, страта, партия и даже государство). Но отдельный субъект никогда не делал историю, не будучи субъектом общественных отношений определенной эпохи, смысл и целесообразность которой проявляются в волевой деятельности субъекта. Идеи Декарта и Бэкона не появились в Античности и тем более не мог появиться в Античности марксизм, хотя допустимо появление индивида как биосоциального существа, по своим морфологическим и интеллектуальным характеристикам тождественного Марксу.

В то же время сама событийность истории, основанная на процессуальности бытия вообще, придает ей предметную особенность, изюминку, на которой основано видовое своеобразие истории в системе гуманитарных наук, но одновременно это и ее ахиллесова пята, так как история в прямом смысле рассуждает о том, чего нет. На основе чего же строятся рассуждения в контексте исторического знания? Данный вопрос отправляет нас к понятию исторического факта. «В большинстве типов знания (в частности, в религии, философии, естественных и общественных науках) как отдельные высказывания, так и связанные наборы могут иметь значения “истина” и “ложь”. В науке высказывания, которым придается значение “истины”, обычно именуются фактами. Это слово может также иметь разные значения, но в строгом определении к фактам относят высказывания о существовании каких-либо элементов реальности, которым (высказываниям) приписывается значение истины» [2: с. 11]. Кроме того, в современной практике научного познания слово «факт» приобрело расширительное значение и применяется к высказываниям об объективной реальности вообще. В связи с этим факт — это некое объективно существующее явление действительности, данное нам прежде всего непосредственно. Во-первых, оно не опосредовано логическими категориями, занимающими место посредника между субъектом и объектом, связывающее их в некую структурную целостность (интегрирующее факты в систему осознанных представлений человека о мире). Во-вторых, оно не опосредовано восприятием иного по отношению к нам субъекта и его интерпретацией в виде той или иной теоретической модели, объясняющей объективный мир.

Нетрудно заметить, что такая базовая трактовка факта приемлема исключительно для естественных наук, взгляд которых направлен на явления природы, существующие независимо от людей и только посредством восприятия и эмпирического обобщения преобразуемые познающим субъектом в фактологическую базу познания, т. е. включения их в ареал существующих теорий либо в процесс формирования нового теоретического концепта. Однако, что касается исторического познания, то здесь дело осложняется тем, что историк изучает прежде всего артефакты. Последние представляют собой искусственные образования, т. е. результаты творческой — в широком смысле — деятельности человека прошлого. Ведь история нацелена на осмысление единичного, которое уже не может предстать перед нами непосредственно, так как находится в прошлом. Поэтому судят о прошлом только посредством косвенных источников (письменные, устные, археологические, статистические и т. д.), изучение которых предполагает прежде всего определение философского подхода к исследованию той или иной проблемы, который соответствует мировоззренческим принципам исследователя. Данный подход является своеобразным духовным контекстом, в рамках которого и формируется система знаний о прошлом. Можно, пожалуй, выделить следующие основные мировоззренческие принципы:

- 1) догматизм: носит аксиоматический характер и ратует за незыблемость исходных положений;
- 2) метафизический: настаивает на замкнутости изучаемых явлений, что отрицает взаимообусловленность событий, т. е. системность в плане влияния одного явления на другое;
- 3) диалектический: представляет противоположность метафизическому;
- 4) релятивистский: трактует истину относительно каких-либо конкретных условий, т. е. она является многоплановой (данный подход чреват беспринципностью исследователя, поэтому его познавательный потенциал наиболее сомнителен).

Если же история как наука стремится раскрыть сущность единичного, пребывающего в небытии, необходимо вывести это единичное на уровень смыслов исторического дискурса в настоящем. Получается, что *исторический факт как научная категория — сумма суждений об историческом событии, раскрывающих условия возникновения события и распространенных в научном сообществе при условии их соответствия критериям истинности*. Однако существует множество концепций истины, которые содержат в себе различные критерии истинности суждений. Наиболее эффективным критерием, конечно же, является практика в ее научной форме — эксперименте. Но к историческому знанию как результату познания, основанному на исторических фактах, данный критерий не применим (экспериментировать с тем, чего нет, невозможно, хотя существуют попытки создать экспериментальную археологию, но в полной мере вскрыть причины социальных и политических изменений

при помощи экспериментального фехтования бронзовыми акинаками, конечно, нельзя). Корреспондентская концепция истины, как известно, говорит о соответствии знания действительности. Правота этой концепции допустима при условии неподвижности познаваемых явлений, т. е. неизменности. Она предполагает под собой онтологическую концепцию, основанную на метафизическом подходе к объяснению реальности, под которым здесь следует понимать акцент на замкнутости изучаемого явления в себе, отсутствии системного взаимодействия с иными явлениями, которые могут и не входить в проблемное поле познавательной деятельности ученого, но играть решающую роль при раскрытии сущности изучаемого явления, так как для его объяснения необходимо вскрыть и порождающие условия, определить причинно-следственную связь. Скажем, плох такой врачеватель, который лечит только симптомы, так как у одного симптома может быть множество различных причин. Логический критерий истины (непротиворечивость суждений об историческом событии друг другу), вытекающий из корреспондентской концепции, поэтому допустим с определенной оговоркой, которая заключается в следующем: историк должен не просто раскрыть сущность исторического события и вывести его тем самым на уровень исторического факта, а воссоздать динамику исторического события как части исторического прошлого. Это невозможно без определения генетических связей между изучаемым событием и иными событиями, которые ему сопутствовали. Соответственно, оно должно быть интегрировано в некую теоретическую модель общественных отношений. Как раз от того, насколько данная модель наиболее четко вскрывает ядро общественных отношений, и зависит роль исторического факта как кирпичика, на котором базируется историческое знание. Что здесь следует иметь в виду под ролью исторического факта? Наполнение формальных теоретических построений конкретным содержанием, почерпнутым из материальных условий бытия общества.

Может ли это содержание быть объектом бесконечной интерпретации или же факт содержит свой определенный смысл, раскрыв который, можно перейти к изучению иного исторического факта, связанного системным отношением с изученным. Думается, что второй вариант более близок к истине. Ведь исторический факт — достояние прошлого, т. е. хоть он и представляет что-то временное (элемент времени в смысле прошедшего), но уже не является чем-то длящимся. Следовательно, это уже *ставшее*, у него есть имманентный *завершенный смысл*, который занимает определенное место в существующей теоретической картине прошлого, воссоздаваемой сознанием ученого и принимающей впоследствии форму объективированного духовного.

Таким образом, есть основания определить исторический факт как явление культуры той или иной эпохи духовного характера. Факт истории всегда предстает перед нами в виде субъективной интерпретации конкретного явления объективной реальности. Поэтому исторический факт имеет под собой в качестве источника (причины появления) конкретное событие прошлого

(объективная сторона) и его отражение в сознании ученого. Отсюда вытекает основная проблема исторического факта — насколько интерпретация произошедшего соответствует самому событию?

В связи с этим стоит выделить некоторые подходы к осмыслению исторических фактов.

1. В XIX в. факт становится эмпирическим в полном смысле этого слова. В соответствии с этим возникает тип историографии, который следует называть позитивистским. Он развился под воздействием естественно-научного подхода, предполагающего установление фактов в непосредственном чувственном восприятии и разработку законов путем обобщения фактов посредством индукции. В соответствии с этим историки-позитивисты стремились утвердить взгляд на исторический факт, как на слепок объективной реальности. Это означало, что историческое событие обладает собственным смыслом, доступным восприятию без субъективной интерпретации. На языке философии это называется имманентностью. Позитивисты отстаивали реальность прошлого, считая, что оно дано прежде всего в виде «остатков» — исторических документов и вещественных памятников. В соответствии с этим историк не может знать больше того, что заключено в документах. То, чего нет в документе (мнения, слухи), не существует для истории. Поэтому задача состоит в том, чтобы возможно более точно воспроизвести прошлое по документам.

2. Антипозитивистская трактовка факта применительно к истории была выпестована в лоне исторической герменевтики В. Дильтея, неокантианской методологии Виндельбанда и Риккерта. Факт истории начинает рассматриваться как нечто отличное от природных явлений. Виндельбанд высказал мнение, согласно которому исторические события уникальны, и сведение их к универсальным законам огрубляет представления об исторических процессах и явлениях. Отсюда следует, что методология истории должна отличаться от методологии естествознания и в качестве объекта иметь культуру. Очень тесно примыкает к неокантианцам отечественный историк Р. Виппер, хотя его взгляды относятся к более ортодоксальному варианту кантианской методологии. Главной проблемой исторической теории он считал проблему опыта, т. е. непосредственного восприятия реальности и переработки материала опыта средствами мышления. Факт для Виппера — субъективная категория творческого познания, а не объективная реальность. «Группы, которые мы называем фактами, — отмечал он, — не составляют чего-либо нам данного, что пассивно нами усваивается или просто открывается. Наблюдения явлений и процессов прошлого представляют собой логическую комбинационную и творческую работу» (цит. по: [1: URL]). По Випперу, само понятие исторического факта связано с включением определенного явления или процесса в сферу научного исследования. Особенно подчеркивалось Виппером, что понимание историком фактов зависит от его общих мировоззренческих представлений. По его мнению, под влиянием мировоззренческих установок происходит «даже не подбор,

а создание фактов в уме нашем, их формировка по чертежу, по архитектурным линиям известной схемы» [Там же: URL]. Принципиальное различие между историей и естествознанием показал Дильтей. «Факты истории нельзя воспринимать непосредственно и изучать эмпирическими методами, как в естествознании, поскольку они относятся к событиям прошлого; их нельзя описывать так, как это делает, например, ботаник, изучая растения. Здесь необходим особый метод реконструкции прошлого, который неизбежно связан с интерпретацией (истолкованием, а не объяснением) и оценкой прошлого с точки зрения исследующего их историка» (цит. по: [1: URL]). Историческое познание основывается на раскрытии субъективных целей, интересов и мотивов поведения участников исторических событий. Необходимо вживание в мир субъективный, который в корне отличен от объективных явлений природы.

3. Новый шаг в направлении анализа и понимания исторических фактов был сделан итальянцем Бенедетто Кроче (1866–1952). Он рассматривал историю как специфический вид искусства, имеющий дело с индивидуальными фактами, которые противопоставляются фактам воображаемым, выступающими предметами изобразительного искусства. По его мнению, истины всеобщие, сформулированные в законах науки, и истины случайные, описывающие исторические события, не исключают, а предполагают друг друга. С одной стороны, всеобщая истина должна находить подтверждение в конкретных суждениях о фактах, ибо иначе она не будет представлять никакого интереса для науки. С другой стороны, историческое суждение не может быть суждением только индивидуальным, так как оно содержит признак, выражающий содержание понятия об общем. Следовательно, всякое суждение является одновременно и индивидуальным, и общим: индивидуальным — потому, что описывает индивидуальные состояния вещей, а общим — потому, что описывает индивидуальное через общие понятия. С такой точки зрения естественно-научное познание, ставящее своей целью открытие законов природы, основывается на общих суждениях, проверенных и подтвержденных многочисленными индивидуальными или эмпирическими фактами. Историческое познание в противоположность этому опирается на индивидуальные события прошлого, которые осмысливаются, интерпретируются и оцениваются в общих понятиях и суждениях исторической науки. Отсюда Кроче делает вывод, что исторические факты должны, во-первых, опираться на точно установленные свидетельства о прошлых событиях, во-вторых, эти свидетельства должны быть интерпретированы и поняты историком, в противном случае они лишь служат сырым материалом для дальнейшего исследования. Таким образом, предметом истории выступает не прошлое как таковое, а прошлое, о котором имеются исторические свидетельства, из чего можно установить различие между историей и хроникой, которая, хотя и содержит данные о прошлом в виде исторических свидетельств, но в отличие от истории, они не подвергнуты критическому анализу и, главное, не осмыслены и не поняты историком с точки зрения современности [1: URL].

Таким образом, налицо ряд диаметрально противоположных решений вопроса о характере исторического факта. Во-первых, абсолютизируется объективность исторического источника. Во-вторых, происходит абсолютизация субъективного фактора в ходе исторического познания. В-третьих, исторический факт трактуется как результат обобщения событий прошлого при помощи понятийного аппарата исторической науки.

Каждый из этих случаев не идеален. Прежде всего потому, что исторический источник, по которому реконструируется то или иное событие, это результат деятельности субъекта, сознание которого отражает объективный мир общественных явлений сквозь призму его индивидуальных черт ментального характера. Разумеется, социальные перипетии онтогенеза создателя исторического источника прямо или косвенно накладывают отпечаток и на содержание источника. Поэтому чисто позитивистский подход к исторической реконструкции прошлого невозможен без интерпретации содержания источника, описывающего события прошлого и тем более содержащего оценку этого события. Интерпретация в контексте исторического познания — это нечто сродни интеллектуальной интуиции — вживание в образ творца исторического события или создателя исторического источника. Интерпретация необходима на уровне выявления мотивов поведения субъекта исторического прошлого. Однако сам исследователь попадает в ловушку двойной субъективации, так как результат интерпретации — явление также субъективное и представляет собой субъективное отражение субъективного отражения объективной социальной реальности прошлого. К тому же пространство современной историографии насыщено работами, чьи выводы, так или иначе, связаны с оценочными суждениями о мотивах поведения субъектов исторического процесса, что придает работам еще бóльшую субъективность. Чаще всего такие оценочные выводы навязаны идеологической конъюнктурой.

Возможно ли исследователю выйти из герменевтического круга двойной субъективации? «Возникшую дилемму между философской “объективностью” и психологической “субъективностью” современная теоретическая социология разрешила с помощью концепции “интерсубъективности” (в философии первым это понятие ввел И. Фихте, а развил Э. Гуссерль), т. е. механизмов, обеспечивающих взаимодействие между субъектами, в том числе символическое. Эта концепция играет ключевую роль в теории социального действия, символическом интеракционизме, феноменологической социологии, и в последние десятилетия требование интерсубъективности все активнее прилагается к историческим работам и суждениям» [2: с. 9]. Акцент в данном случае сделан на объективный мир символов культуры и соответствующих ценностей общечеловеческого характера как формы проявления бытия. Но в данном случае из виду уходит социально-исторический характер их происхождения, обусловленный прежде всего материальными условиями бытия общества. Происходит метафизический разрыв бытия и мышления. Последнее

замыкается в пределах собственных символических форм, которые представляют не что иное, как объективированное духовное во всем его видовом многообразии. Соответственно и исторический факт наполняется в большей степени спекулятивным содержанием. Не случайно в одной из бесед с Хайдеггером Гуссерль на вопрос об историчности фактов сознания ответил: «Об истории я забыл». Происходит опять же метафизический разрыв между бытием и сознанием при абсолютизации второго, что выносит за скобки общественные отношения (существующие в пределах конкретных пространственно-временных локализаций) как высшую форму движения материи, определяющей, по сути, содержание исторического факта. Именно связь социальных, политических и тому подобных отношений с материальными условиями бытия общества — условие объективности объяснения исторического факта. При условии признания практики как чувственно-предметной деятельности человека по преобразованию окружающего мира основной характеристикой гомо сапиенс, вопрос о связующей нити между социальными отношениями и материальными условиями их развития будет снят. На мой взгляд, нет оснований для признания роли практики несостоятельной в методологическом плане. Ведь познание как самоцель, казалось бы, имманентное сущности человека (духовная потребность в поиске знаний об окружающем мире) — результат более поздних исторических эпох с момента появления (известного науке) человека, которые знаменуются отделением умственного труда от физического, которые, в свою очередь, существуют в противоречивом единстве друг с другом (например, онтология Джордано Бруно могла появиться только при условии существенных социальных трансформаций в западноевропейском обществе XVI в.). Человечество с древнейших времен в процессе филогенеза исходило исключительно из практических потребностей и знаний, почерпнутых из практики и связанных прежде всего с удовлетворением материальных потребностей. Отделение физического труда от умственного — процесс длительный, и его результат — это продукт деятельности людей на протяжении не одного тысячелетия. Исторический факт — объясненное событие прошлого на основе философской концептуальной модели исторического процесса, вскрывающей онтологические основания бытия общества.

Таким образом, историческое событие, для того чтобы стать историческим фактом, должно быть «вмонтировано» в систему теоретических концепций, раскрывающих закономерности бытия и развития общественных отношений. В таком случае основным «полем битвы» при интерпретации исторических фактов являются концептуальные каркасы, на которые нанизаны эти исторические факты. Как только основные концептуальные положения подвергаются идеологизации, происходит разрыв между познаваемой объектно-предметной областью и сознанием познающего субъекта (исследователя-историка). Основная задача историка — освобождение от личных, субъективных, наслоений при интерпретации основного факта. К числу таких наслоений относятся

прежде всего классовые предпочтения, психологические и этические предпочтения и, самое главное, идеологическая ангажированность. Исследовать исторический факт нужно только с позиций универсальных философских оснований, которые позволяют рассмотреть историю сквозь противоречивое единство объективного и субъективного (социального и индивидуального).

Литература

1. Рузавин Г.И. Основы философии истории [Электронный ресурс]. URL: http://nashaucheba.ru/v3371/рузавин._основы_философии_истории?page=45 (дата обращения: 04.02.2019).

2. Савельева И., Поletaев А. Историческая истина и историческое знание // Логос. 2001. № 2. С. 4–24.

Literatura

1. Ruzavin G.I. Osnovy' filosofii istorii [Elektronny'j resurs]. URL: http://nashaucheba.ru/v3371/рузавин._основы_философии_истории?page=45 (In Russ) (data obrashheniya: 04.02.2019).

2. Savel'eva I., Poletaev A. Istoricheskaya istina i istoricheskoe znanie // Logos. 2001. № 2. S. 4–24.

K.A. Shpeka

Historical Fact and Knowledge

The features of historical fact are considered. On the basis of the analysis, the concepts of historical events and historical fact are distinguished. The typology of worldview settings used in the study of the historical past is given. The role of conceptually philosophical and scientific framework in the explanation of historical events and interpretation of historical fact is determined.

Keywords: historical fact; practice; being; consciousness; individual.